

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ВЕШНИЕ ВОДЫ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РАЙСПОЛКОМА: — Я ведь отлично помню, что мы принимали решение о ремонте плотины...

К Р О К О Д И Л

№ 7

(1405) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

МОСКВА 10 МАРТА

1955

АПОСТОЛ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ

На картинках в американских журналах и газетах принято изображать адмирала Артура Уильяма Рэдфорда в эффектной позе завоевателя вселенной.

Вот свежий номер «Ньюсуик». Адмирал запечатлён здесь у огромного глобуса. Рэдфорд тычет сухим пальцем в восточное полушарие. На его покрытом густой сетью мелких морщин холодном лице змеится улыбка.

Адмирала можно поздравить с успехом. За последнее время у него блестящее «паблисити». Этот, по словам биографов, тихий человек стал любимцем прессы монополий и занимает на её страницах не менее почётное место, чем крикливый кандидат в американские фюреры сенатор Джозеф Маккарти, самые модные убийцы — герои нашумевших процессов, и кинозвезда Голливуда — исполнительница сексуальных ролей Марлен Монро.

Что ж, в этой громкой славе есть закономерность! И в самом деле, адмирал может поспорить со своими конкурентами, оспаривая внимание любителей сенсаций. В изуверстве старый адмирал не уступает Джо Маккарти. Как хладнокровный убийца, готовый, не моргнув ни одним из своих тусклых, белесоватых глаз, обречь на смерть миллионы, Рэдфорд заслуживает куда более громкой известности, чем громилы, отравители и головорезы, в соседстве с которыми он появляется на газетных и журнальных столбцах. И, наконец, адмирал не менее кокетлив, чем смазливый кинозвезда.

Рэдфорд любит быть на виду; ему весьма льстит, когда пресса поднимает хотя бы и самый пошлый шум вокруг его имени. У этого аккуратнейшего служаки и педанта с вкрадчивым голосом и спокойными, точными движениями автомата есть одна греховная человеческая страстишка — безудержное тщеславие.

Червь неудовлетворённого честолюбия гложет Артура Уильяма с самых юных лет — ещё с того времени, когда он шестнадцатилетним подростком поступил в военно-морскую академию в Анnapolis. Юнцу стоило большого труда пролезть в это учебное заведение, предназначенное для сынков финансовой аристократии и других влиятельных лиц. Отец Артура — скромный гражданский инженер — диву дался, узнав, что его отпрыск сам, без родительской помощи устроился в академию. Подумать только! В такие нежные лета ребёнок умеет куда ему надо проползти ужом, пресмыкаясь перед сильными мира.

Однако долгое время тщеславный отрок кусал ногти от досады и обиды. Его однокашники — светские шалопаи — обращались с ним высокомерно и пренебрежительно. Но вот наконец в жизни Артура наступил счастливый день. Ура! Его заметили! Ежегодник академии «Лаки бег» писал в своём выпуске за 1916 год: «Рэдди пришёл к нам ребёнком, розовощёким Аполло, но с тех пор он уже научился водить за нос многих людей». Ежегодник милостиво сообразовал отметить и другие успехи Рэдди — то, что он проявляет «храбрость в обращении с женским полом» и уже на втором году пребывания в академии «пристрастился к курению».

Казалось бы, чему тут радоваться? Артура публично назвали пройдохой и вообще довольно испорченным юнцом. Однако будущий адмирал торжествовал не меньше, чем известный герой чеховского рассказа, который был счастлив, когда в газете напечатали сообщение о том, как его, пьяного, чуть не задавил извозчик. Но в отличие от чеховского героя Артур радовался вовсе не потому, что был наивен. Нет, и в самом деле оценка «Лаки бег» была признанием. Отныне Артур Уильям не уступал по развращённости светским оболтусам, а по части умения водить за нос оставил далеко позади себя многих. Окрылённый успехом, Рэдди верил: он далеко пойдёт.

И всё же судьба десятки лет подряд приносила лишь новые тяжёлые разочарования упрямому карьеристу в мундире военно-морского ведомства. Среди американских генералов и адмиралов Артур Уильям Рэдфорд выделяется тем, что он старый служака. Был он и пилотом, и командиром эскадрильи, и начальником базы военно-морской авиации. Но шли годы, а блестящая карьера не получалась. Впереди маячила лишь незавидная перспектива окончить век в скромном чине, став на причал в какой-нибудь захолустной провинциальной гавани. Звание капитана первого ранга Рэдфорд, посвятивший себя с детства военно-морскому делу, получил только на сорок шестом году жизни — в 1941-м. Зато уже в 1942 году он стал контр-адмиралом.

Это головокружительное повышение объясняется отнюдь не ратными подвигами. Наоборот, Рэдди догадался перед самым началом войны пришевартоваться к тыловому штабу и этим убил сразу двух зайцев:

обеспечил себе и безопасность и хорошую карьеру. А ныне полный «четырёхзвёздный» адмирал Рэдфорд выплыл на широкий фарватер служебной карьеры: он занимает в США виднейший пост председателя Объединённой группы начальников штабов.

Стремительные перемены наступают в жизни некогда обиженного честолюбца. Теперь он окончательно овладел секретом успеха. В чём этот секрет?

Так же, как некогда Аракчеев, Рэдфорд мог бы начертать на своём гербе девиз «Без лести предан». Для того, чтобы показать свою преданность империализму, Рэдфорд отбрасывает безразличность. Он направляется на самые авантюристические и самые грязные дела. Когда ещё гремела война и миллионы людей отдавали свои жизни, стремясь разорвать коричневую паутину фашизма, Рэдди и его друзья уже плели другую паутину — сеть империалистических интриг на Дальнем Востоке. Их целью было превратить Тихий океан в «американское озеро».

Рэдфорд спит и видит «идеальное устройство мира». Ему чудится: «вся вселенная превращена в военные поселения США; дядя Сам возвышается над поруганными странами с полицейской дубинкой в руках... Как бы то ни было, но биографы адмирала авторитетно пишут, что Рэдфорд за два года предвидел вторжение США в Корею как одну из «полицейских функций» американской армии и флота.

Старый служака спешит отличиться. В дни Женевского совещания адмирал предлагал сбросить атомную бомбу на Северный Вьетнам. Это смутило даже соучастников Рэдди: очень не вовремя гаркнул старый служака своё «Рад стараться!». Уж на что не брезглив Риджуэй, но и он понял, что его начальник зарвался.

Во Вьетнаме старый адмирал и его друзья потерпели, как известно, такое же поражение, как и в Корее.

Но и битый пёс империализма виляет хвостом, стоя на задних лапах перед своим хозяином — Уолл-стритом. Рэдфорд смотрит на хозяина преданными собачьими глазами и говорит тихим старческим голосом:

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Позвольте для вас какую-нибудь подлость сделать!

Адмирал не ищет теоретических обоснований подлости. Его духовные запросы убоги до смешного. Он боготворит Дугласа Макартура и считает своей библией книгу Уильяма Буллита «О великом земном шаре». Правда, Буллит — провалившийся разведчик и международный авантюрист. Но ведь, с другой стороны, этот рыцарь международных больших дорог в своей книге воспекает атомную и водородную бомбы. И Рэдфорд готов провозгласить:

— Нет бога, кроме бомбы, и Буллит — пророк её.

Рэдфорд молится атомной бомбе, как идолу. Он славит её, выступая везде и всюду: в комиссиях конгресса, на ассамблее Братства христианской церкви, в экономических клубах Нью-Йорка и Детройта, на съезде Американского легиона.

Чуть ли не весь прошлый год старый адмирал провёл в самолёте. Он побывал во многих государствах Западной Европы, Африки и Азии. Он напрягал все силы к тому, чтобы снова нарушить мир во Вьетнаме, снова толкнуть Корею в огонь войны. Он инспектировал на Тайване Чан Кай-ши, готовя новые провокации против Китайской Народной Республики. Каждую «союзническую» страну он осматривал, как рекрута, завербованного в качестве пушечного мяса, и, пробормотав: «Годен!», — садился в самолёт: опять в дорогу, опять на поиски новых жертв! Когда адмирал покидает какую-либо страну, все знают: теперь надо ждать новых провокаций.

Народы, однако, не собираются идти за апостолом водородной бомбы. Даже в США за ним упрочилась репутация поджигателя войны, человека, который бряцает атомным оружием. И «Ньюсуик» соболезняет Рэдфорду: «Это обвинение очень беспокоит его, но он бессилен что-либо сделать...»

Да, трудно найти утешение для врага мира, окружённого гневом честных людей! Пожалуй, единственное, чем можно успокоить тщеславного адмирала, — это обещание, что современники действительно не забудут его. Это и понятно: ведь он явно метит в герои такого процесса, перед которым померкнут самые громкие процессы знаменитых уголовников — тех, с кем Артур Уильям Рэдфорд делится сегодня славой на страницах «ньюсуиков», «таймов», «лайфов» и «кольерсов».

Юр. ЧАПЛЫГИН

Рисунок Ф. ПЕТРИКОВСКОГО («Рогач», Чехословакия).

Империалистические круги США используют ООН для оправдания своей агрессивной политики в отношении Китая.

Сатира
за
РУБЕЖОМ

В маскхалате

Рисунок Л. ХААСА
 («Дикобраз», Чехословакия).

Рисунок ЕЖИ КОЗЕРАЦКОГО
 («Шпильки», Польша).

Западногерманские промышленники вносят обильные пожертвования в фонд Аденауэра, стараясь продлить его пребывание у власти.

Парижское яичко с боннским зародышем.

— Подайте, вермахта ради!

С В А Т О В С Т В О

По мягкой, размолотой дороге рядом с накатанным шоссе трусил пара поджарых коней, запряжённых в скрипучую, ободранную линейку. Лошадьми правил долговязый белобровый парень в щегольском драповом пальто, едкозелёной кепке и высоких сапогах, начищенных до глянца. По правую сторону от него кулём сидела сутулая старушка и старательно тарасила маленькие глазки, видимо, борясь с дремотой. Она тоже принарядилась: на лбу из-под тёмной клетчатой шали белели зубчики расшитой накрахмаленной косынки, на ногах сияли новые резиновые боты. Большая, не по росту шуба из чёрного с прозеленью бархата, пролежавшая, должно быть, не один десяток лет в нафталине, была сегодня вынута из сундука ради какого-то исключительно торжественного случая.

Старуха нехотя выпростала из-под шали сжатые комочком губы и пожаловалась своему спутнику:

— И зимы нет, а все кости позастывали... — Потом добавила, зябко побживаясь: — Как ходила к председателю лошадей просить, так он на смех поднял: ещё морози не хватало, рогочет, за семь вёрст кисея хлебать, на стороне сватать... В своём колхозе девок недочёт?

— Девок много, а толку с них... — вяло откликнулся парень, сбивая прутиком пыль с сапог. — Все, как одна, рядовые колхозницы.

— А эта, к которой едем, генеральского звания, что ли? — с вызовом бросила старуха.

Парень раздражённо дёрнул головой:

— Я ж объяснял вам, мамаша! Председателя дочка — раз, образованная — два...

— Даша тоже в семилетке обучалась... — вскользь заметила мать.

— То семилетка, а то техникум... Да не какой-нибудь, а сельхозмашиностроения. Понятно? В энтээсе будет работать. А там зарплата — ого-го!

Хотя кругом лежали голые, безлюдные поля и никто, кроме галок, подслушать не мог, старуха пододвинулась к сыну поближе:

— Петюня, а родители её противиться не станут? Небось, тоже мечтают о зяте дочке подстать...

Пётр насмешливо хмыкнул большим с горбинкой носом:

— Подста-ать! Статьями-то она как раз и не вышла. Личико незавидное, сама щепка щепкой... Вроде не хвораю, а еда не впрок. От большого развития, что ли...

— Даша-то вон как остра!.. А уж гладка, не хуже летошней тёлочки, — с умилением вспомнила старуха и вздохнула.

— Это вы точно сказали: тёлочка. Тёлка она и есть. Много ли ума требуется, чтобы коров подоить!..

— Корова корове рознь.

— А то сам не знаю! Погрёб навозу на этой МТФ, пока на курсы не вырвался... И сейчас скучно вспомнить! А там, мать, не иначе, как в колхозную механизаторскую бригаду угожу... — Пётр зажмурился и сладко потянулся. — Или тоже в энтээс попаду. Мастерская у них — дворец культуры! Да и в колхозе ихнем люди живут не по-нашему.

— Хуже нас во всей округе никто не живёт, — решительно подтвердила старуха. А Пётр расписывал, будто поддразнивая её:

— У председателя дом каменный, под этернитом, полы деревянные, жёлтые, как желток... На полках книжечки, на столе новёхонький патефон. И ещё радиолу хотят купить. Ей право, не брешу! Сам-то в первых передовиках числится. Как какое совещание в районе, — за ним шлют. За таким тестем не пропадёшь!

— Петюня! — робко окликнула мать. — Не с отцом тебе жить, а с ней. Она-то как? Румяное лицо Петра сразу поскучнело:

— Она? Да как сказать... Насчёт приличий маленько строговата. Отцу достаётся: в хате не кури, в солонку щепотью не лезь, грубыми словами не выражайся... Даже бабка у неё по струне ходит — громко прихлебнуть боится. А со мной, — Пётр самодовольно ухмыльнулся, — со мной ничего... Обходительная!

— Ты же, розан, не куришь... Водочкой не балуешься... — заискивающе заулыбалась мать и тут же схватилась за грудь: — И-ик!

— Ну вот, — забеспокоился Пётр. — Чего это на вас напало?

Старуха смутилась:

— Всегда у меня такое после борща. Как поём в охотку, так... и-ик!

— Зачем было наедаться на дорогу?

— Сам же наказывал: как станут угощать, сразу не накидывайтесь, церемоньтесь... Я и того... подзаправила покрепче. Ты вот не поел...

— Не до того мне!

— И зря! Такой борщ славный получился! Даша вчера кабачника резала, так ради уважения мне самый смачный кусочек принесла. Ещё и ботами ссудила. Неловко, говорит, в чужой колхоз в латаных бурках заявляться. Я ей наплела, что на именины к свахе едем...

Пётр задёргал вожжами и с остервенением подхлестнул лошадей.

— Вы, мама, не вздумайте там про Дашу помянуть. Вообще её от себя отвадьте. Домой вернусь форменным женихом, и всякие такие посещения теперь ни к чему. Добром прошу: помалкивайте больше. А то начнёте Дашу нахваливать да председателя чистить. Совсем это им не интересно слушать!

Мать свирепо выкатила свои маленькие глазки, распахнула и запахла поскорее шаль и, спрятав в неё нос, всю остальную дорогу не вымолвила ни слова.

Когда линейка подкатила к дому председателя, на крыльцо вышел сам хозяин, радушно поздоровался, потом басовито предложил:

— Во двор заезжайте... Где сено под сараем сложено, туда и вяжите коней. Катя, Катя! — обернулся он к открытым дверям. — Приехал Петруша, и мамаша с ним. Принимай гостей!

Пока старуха, разматывая шаль, неторопливо взбиралась по ступенькам, навстречу ей из сенцев выпорхнула худенькая черноволосяя девушка в пышном платье с множеством оборок.

— И за стол ещё не сажались: всё вас поджидали. Ну как, не прозябли в дороге?

— Вот вы бы, милочка, поостерегились налегке... — в свою очередь, распылась в улыбку старуха. — А мы до погоды привычные... — И, кинув быстрый взгляд, всё сразу взяла на заметку: «Эх, далеко ей до Даши, хоть и шибко образованная!»

Стол был накрыт по-праздничному. Рядом с пышными пирогами на блюде распластался богатырский гусь с бумажными розами на ножках. Вокруг него сгрудились тарелки с колбасой, рыбой, салом и холодцом. В мисках горками лежали солёные огурцы и тугие зелёные помидоры. Поблёскивали графины с наливкой и ещё не початые бутылки с водкой. Старуха украдкой потянула носом и подумала: «Тут и после борща долго не нацеремонишься!»

Петра посадили рядом с матерью, Катю — напротив. Она посматривала на обоих с милым лукавством: знаю, мол, зачем приехали, — ласково упрашивала:

— Кушайте, ну кушайте, пожалуйста!

А сама прямо глаз не могла оторвать от свежего лица Петра, от его светлых кудрей, над которыми сегодня утром немало потрудились колхозный парикмахер.

«Всё ж таки приятная... — успокоила себя старуха. — Там, глядишь, ребятишки пойдут, раздобреет. А что носик сапожком, так с лица воду не пить...»

Хозяин, привстав, хлопнул ладонью по доньшкку бутылки и ловко вышиб пробку. Катя сердито поглядела на него:

— Штопор же рядом, а ты всё по-своему!

— Через десяток лет перевоспитаюсь, дочка! — с шутовой готовностью пообещал тот и начал разливать водку по рюмкам. — Так начнём... За дорогих гостей! С благополучным прибытием!

Старуха со знанием дела опрокинула рюмку в рот, но тут же притворно закашлялась, замахала руками:

— Ой, дух захватило! Прямо огнём жгёт...

— А ты закусывай, Митрофановна, закусывай по-свойски... — пододвинула к ней блюдо с пирогами совсем иссохшая бабушка Кати.

Митрофановна не заставила долго себя упрашивать. Пётр выпил солидно, не торопясь, с рассеянным видом погрыз крылышко гуся и положил его себе на тарелку. «Церемонится, — догадалась мать. — Ну и шут с ним... А уж я, раз честью просят, наемся до отказа!»

После второй рюмки Пётр заметно покраснел и ободряюще подмигнул влюблённой глядевшей на него Кате:

— Не сомневайтесь, Екатерина Андреевна... Всё будет в лучшем виде. Вот только поговорим с Андреем Ивановичем.

— Не ты, а я буду говорить, — перебила его слегка захмелевшая Митрофановна, — как по обычаю полагается. У вас, мол, товар, у нас купец...

— Ой, так не надо! — испуганно вздрогнула Катя. — Отец ещё обидится: какой же я товар?

Пётр легонько толкнул мать: «Молчала бы уж», — а вслух сказал:

— Это мамаша по неосознанности... А вот Андрей Иванович — совсем другое дело. До чего восхищаюсь я им, рассказать невозможно! — И пошёл превозносить достоинства своего будущего тестя.

Говорил он горячо, убеждённо... Катя снова повеселела. Стараясь ей угодить, Пётр похвалил и МТС и колхоз. Митрофановна сразу забыла наставления сына.

— А наш председатель, недотёпа окаянный, совсем хозяйство развалил! — кричала она, вытирая ладонью рот. — Зима не начиналась, а у нас корма считай что на исходе. Чем будем скотину содержать?..

Андрей Иванович трахнул кулаком по столу так, что звон пошёл, и снова вздрогнула Катя.

— Правильно критикуешь, Митрофановна... Молодец! Скот у вас чистопородный, народ работающий, а удои ниже всех в районе. Сам председатель не пьёт, члены правления за него стараются. — Он раскатысто захохотал. — Грубо подсчитают, так они водки за год выпивают больше, чем колхоз сдаёт молока.

— Больше, больше... — сокрушённо поддала Митрофановна.

Пётр сидел насупившись. Андрей Иванович заметил это и скомондовал Кате:

— Наливай-ка гостям. У нас между молоком и водкой пропорция другая, не грех пропустить ещё по одной.

Митрофановна, так же ловко справившись и с третьей рюмкой, уже не могла расстаться с любимой темой.

— А мы скинем то правление, не я буду, скинем! — шумела она, поворачиваясь во все стороны. — Такую фермочку сорганизуем — ахнете! У нас же народ там!.. Один Востриков чего стоит! Его самого председателем можно ставить. Ну и что ж, что молодой! Молодой, да с головой. А Даша? Она и Вострикову не уступит...

— Мамаша! — предостерегающе прошипел Пётр. Задохнувшись от злости, он пододвинул к себе литровку, налил не в очередь полстакана и с отвращением выпил, не закусывая.

Катя как-то сразу съёжилась и опустила глаза. Отец покосился на неё и сказал, будто для старухи:

— Какая у вас для Петруши работа, раз он механизатор? Механизации-то в вашем колхозе никакой! Воду, и ту быками качаете...

Пётр пьяно ухмыльнулся.

— У нас этой моды нет — быками качать, — угодливо зашепстала Катя бабка. — У нас куда ни кинь — движки пыхтят. Если ты по этой части мастер, ещё чище приоденешься. Дай-ка я тебе, голубь, и матушке твоей сладенькой налью. Своего изготовления!

Наливка была отменная. Митрофановна, хватив рюмочку побольше, откинулась на спинку стула и тоненько завела, помахиная рукой:

— «Ах, папаша, ах, мамаша, теперь доченька не ваша...»

Зато Пётр окончательно осмелел и начал громко выкрикивать, ероша свой кудрявый чуб:

— С эмтээсом, Катерина, не зевай: золотое дно! Там, если папаша расстарается, одного слесаришку скovyрнуть надо. Безродный парнишка, самоучка, даже не комсомолец, никто за него вступаться не будет. А мне бы для начала местечко самый раз...

— Какую ты ерунду говоришь... — тихо сказала Катя. — Никого отец скovyривать не будет.

Но Пётр упорно продолжал:

— С маленького лучше начинать, чтобы люди зря не завидовали. А там папаша директору шепнёт: мой, мол, зять, продай по дружбе повыше... И пожалуйста — за год до механика дотяну... Не то что радиолу, пианину купить не жалко...

От сытной еды, от сладкой наливки и всех сегодняшних волнений у Митрофановны совсем запуталось в голове. Любовно поглядывая на сына, она тоненько захихикала, хлопая себя по кругленьким бокам:

— От дурной, так дурной... Да на кой же нам пианина? Чи ты будешь играть на ей, чи Даша? А радиолу почему не купить... Да мы, как Вострикова изберём, и хлебом засыпем и молоком заальёмся... Ой, гуляй, душа! Одной натуроплаты Дашка воз пригребёт...

— Прекратите про Дашу! — грозно уставился на мать Пётр. — Чихал я на ваш колхоз... Чего больного лечить, когда здоровый под боком... Вот это председатель! — очумело повернулся он к отцу Кати. — Вот это человек в полном виде! Да ради него не то что на щепке, — на лягушке жениться можно... И женюсь, будь она проклята!

Петруша покачулся, осел и, уронив голову на стол, заснул беспробудным сном.

Прислонившись к его плечу, сладко похрапывала и Митрофановна.

* * *

...На следующий день под вечер Митрофановна робко переступила порог дашиной хаты. В горнице горела плитка, пахло свежими лепёшками и топлёным молоком. Даша сидела у окна и что-то шила. На светлом стекле чётко обрисовывалось её крепкое плечо и маленькое ухо, полуприкрытое тёмными волосами.

— Чего одна сумерничаешь, до нас не идёшь? — вкрадчиво заговорила Митрофановна, обтирая передником и топлёным молоком боты, которые она держала в руках. — Вот боты принесла. Спасибочка! Не подтоптала ничуть. Целёхоньки!

— Боты целёхоньки, а дружба вдребезги? — усмехнулась Даша. — И не похвастались, что сватать едете...

Митрофановна ужаснулась в душе: а вдруг Даша уже прослышала про их позорную неудачу? Но на лице всё же изобразила искреннее изумление:

— Кого сватать? Зачем? На именинах гуляли.

Откусив нитку, Даша пригладила ногтем шов и недоверчиво посмотрела на Митрофановну:

— На именинах? А председатель наш уже всем раззвонил, что для сватовства коней брали. Набрехал, выходит? А я-то порадовалась: вот, думаю, на свадьбе погуляю...

— Погуляешь... погуляешь... — закулила Митрофановна. — На своей и погуляешь!

— Моя ещё не скоро, — вздохнула Даша. — Гришу на курсы посылают...

— Какого Гришу?!

Даша встряхнула шитьё, и Митрофановна только тут разглядела, что это мужская сатиновая рубаха.

— Какого? Ну, ясно, какого, — Вострикова.

— Так вон оно что! — рассвирепела Митрофановна. — Морочила, значит, гдло-ву и мне и Петюше? Дня не пропускала, чтобы не наведаться... И свининки нате... И ботами попользуетесь... Это ж ради чего, спрашивается?

— Как ради чего? — удивилась Даша. — Да просто так, по-соседски. Рядом живём, работаем вместе, вроде родня. А Петру обижаться не на что... — она неласково усмехнулась. — Всё прибаутками меня потчевал: «Расписаться не трудно, да без недостатков жить нудно...» И год твердил, и два... Рассмотрела я: совсем он не самостоятельный человек, и душа у него холодная, как собачий нос... Хоть сердитесь, хоть нет...

Старуха, конечно, рассердилась:

— Не гош, говоришь? И не больно надо! — и с сердцем толкнула коленкой дверь. Но тут же вернулась: — Гришке-то после курсов какое другое назначение дадут? Бросите колхоз?

Даша со смехом потащила её к столу:

— Садитесь, чего там... Будем ужинать. И не переживайте: оба будем тут. Кому же наш колхоз нужен, если мы сами от него откажемся?

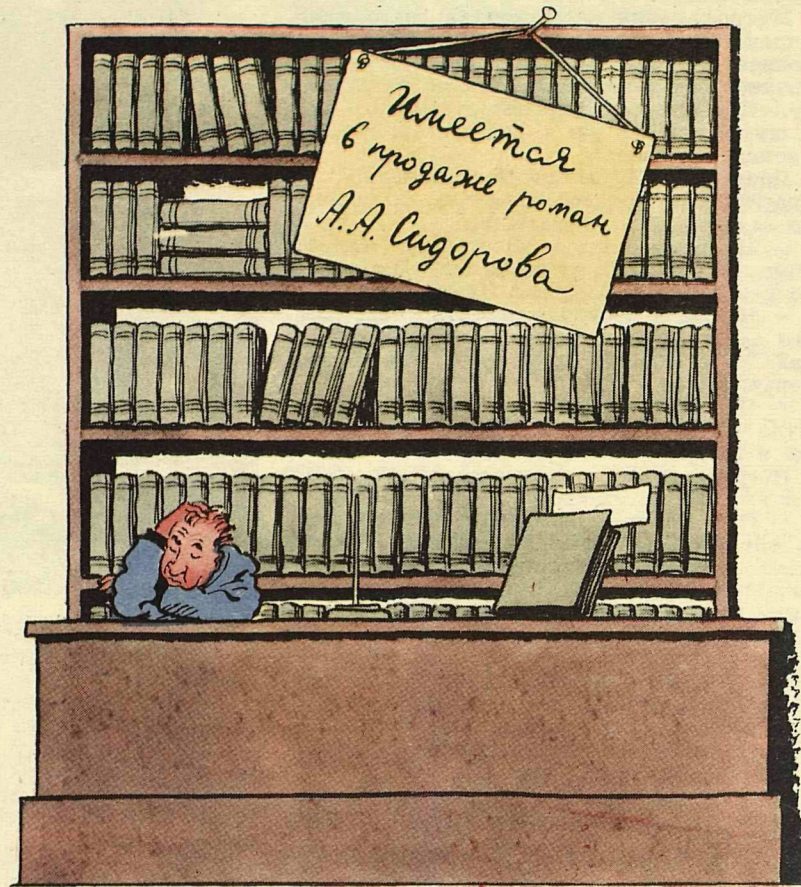
г. Ростов-на-Дону.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Самая положительная...

и самая отрицательная.

Цыган, не кормивший восемь суток свою кобылу, был неудачливым экспериментатором, но скромным человеком. Он не пытался объявить себя главой новой научной школы в животноводстве. Он не добивался повторения своего опыта на расширенной основе. После того, как кобыла отдала богу душу, цыган поставил крест на научно-исследовательской работе.

Мог ли этот незадачливый лошадиный предполагать, что спустя много лет по его стопам пойдут работники некоторых заготовительных баз, Института мясной промышленности и свиноводческий совхоз, расположенный на окраине Свердловска?

Об экспериментах заготовителей стало широко известно из январских газет. Что же касается свиноводства, то об его исканиях мы узнаём из брошюры А. Смольянинова «Опыт работы по откорму свиней», изданной Управлением сельскохозяйственной пропаганды Свердловского облсельхозуправления. В ней автор поведал животноводам о новом способе откорма свиней. Этот способ состоит, в частности, в том, чтобы заставить откармливаемых животных периодически голодать.

«Следующей особенностью, хотя и известной, но применяемой далеко не во всех хозяйствах, является введение для откормочников голодных дней; этот приём с большим эффектом применяется в совхозе уже четыре года».

Откормочники — это свиньи. Испокон веков считалось, что свиней, поставленных на откорм, нужно заставить есть побольше. Автор брошюры решительно покончил с этой ветхозаветной теорией.

Он утверждает, что свинья, постясь, как согрешивший монах, сильно прибавляет в весе.

«Голодный день в совхозе применяется каждое воскресенье! — захлёбываясь от

ПОДСВИНОК НА ДИЕТЕ

научного восторга, сообщает автор. — С вечера субботы до утра понедельника откормочные подвинки не получают никаких кормов».

Как же ведут себя животные в эти, казалось, безрадостные для них воскресные дни? Быть может, они оглашают свинарники громким визгом или каким-нибудь другим способом дают знать о своём недовольстве? Ничего подобного! Высокая сознательность плюс стоицизм — вот что отличает их от прочих четвероногих сородичей.

«Свиньи ведут себя в эти дни так же спокойно, как и в остальные».

Наряду с высокой сознательностью примерное поведение подсвинок имеет ещё и психологическую основу. Автору книги удалось проникнуть в самые недра свиначьего интеллекта.

Оказывается, свиньи, привыкшие голодать в воскресные дни, не только «хорошо едят корм после голодного дня, но и стремятся до него съесть побольше».

Вот оно где собака зарыта! Подвинки быстро привыкли к новым методам откорма. Зная, что им в воскресенье предстоит постный день, они наедаются накануне. Кто бы мог заподозрить бесхитростных этих животных в такой предусмотрительности! И, обратите внимание, как тонко они разбираются в календаре! Как организованно встречаются они голодовке! Видимо, в конце недели наиболеемышленный подсвинок говорит своим сокормушечникам:

«Никак, друзья, у нас сегодня суббота? Придётся поднаесть на корм, поскольку завтра выходной и кушать не дадут!».

Все дружно налегают на корм и, в конечном счёте, несмотря на последующую голодовку, прибавляют в весе.

Правда, насчёт этих опытов заведующий кафедрой кормления Тимирязевской сельскохозяйственной академии профессор И. С. Попов сказал буквально следующее:

«Рекомендация ввести один «голодный» день в неделю для откармливаемых свиней не обоснована ни научно, ни практически. Жаль, что издательство неосмотрительно пропагандирует такие советы».

— Позвольте! — слышим мы темпераментные возгласы поборников этого метода. — В некоторых хозяйствах свиней кормят до отвала, и они в конце концов теряют аппетит. Вот тут-то без голодного дня не обойдётся!

Как нам удалось установить, свинья теряет аппетит не от обильной, а от однообразной пищи. Разумеется, проще заставить свинью голодать, чем давать ей разнообразный корм. По этому пути и пошли поборники нового метода. О нём профессор Редькин пишет:

«Такую общую установку считаю абсолютно неправильной; если нормы кормления как по количеству, так, главным образом, по качеству кормов составлены на основе научных данных и передового опыта, то никаких голодных дней для откормочников и других групп свиней вводить не только не нужно, но и вредно».

Откровенно говоря, мы тоже склоняемся к этой мысли. Поросят надо хорошо, регулярно и разнообразно кормить. И для этого нужно больше заботиться о кормовой базе. Вероятно, не следовало и рекламировать в печати «голодные» дни. Ведь основоположник этого метода — безымянный цыган — и тот не осмелился написать брошюру о своём опыте.

П. РОГОЗИНСКИЙ

Краснобай

Областное совещанье,
Речи льются через край.
В заключение взял слово
Сам товарищ Краснобай.

Призывал со всею страстью,
Недостатки обнажив:
«Увеличим урожайность!..»,
«Ликвидируем прорыв!..»

Пил он воду деловито,
Под конец совсем охрип.
...Между прочим, речь ту слушал
Тараторенко Филипп.

Вот в район сей муж вернулся —
Слово взял, собрав актив:
«Увеличим урожайность!..»,
«Ликвидируем прорыв!..»

Массу промахов, ошибок
Смело выявил Филипп;
До того заговорился,
Что язык ко рту прилип.

Думал: «Это выступленье
Всколыхнуть должно район!»
...Между прочим, речь ту слушал
Некто Сидор Пустозвон.

Возвратился этот Сидор
Из района в МТС,
Всех созвал на совещанье,
На трибуну важно влез

И пошёл греметь оттуда,
Недостатков уйму вскрыв:
«Увеличим урожайность!..»,
«Ликвидируем прорыв!..»

Наболевшие вопросы
Сидор с жаром заострил,
Битый час он подчинённых
Распекал, стыдил, корил.

...Дни идут. Приходят сводки,
Знай их к делу подшивай.
Крупных сдвигов по районам
Ждёт товарищ Краснобай.

Вкупе с ним, сложивши руки,
Ждут-пождут в полях чудес
Тараторенки в районах,
Пустозвоны в МТС.

Но едва ли много пользы
Урожаю принесёт,
Кто с трибуны совещанья
Кукарекает, — да и всё!

Перевёл с украинского
В. КОРЧАГИН.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Приехал...

Р. САРЦЕВИЧ

Гость

Отшумела рожь густая.
Тишина над Кулундой.
В город с дальнего Алтая
Прибыл парень молодой.

Оглядел себя он строго.
В дом вошёл. Лицо горит.
Поклонился у порога.
— Чай да сахар! — говорит.

Вот сейчас хозяин скажет:
«Ну, вернулся, комсомол! —
И на стул рукой укажет: —
Просим милости, за стол!»

Он гостей принять умеет,
Нет хозяина добрей:
«Ну-ка, дочка, поживее
Самоварчик подогрей!»

Чтобы чай играл в стакане,
Аромат бы источал...»
Это так подумал Ваня,
А хозяин промолчал.

Покосился нелюдимо,
Папиросу закурил.
И, пуская тучу дыма,
Не спеша заговорил.

Он с особенною силой
На последний слог нажал:
— Напахался, значит, милый!!
Наработался!! Сбежал!!

От подобных слов у Вани
На душе обиды ком:
— Ты бы лучше вместо брани
Угостил меня чайком.

Тот, свои расчёты строя,
Говорит ему в ответ:
— Для таких, как ты, «героев»
Никакого чая нет!

Он в досаде превеликой
Не скрывает накипь зла:
— Ну-ка, дочка, убери-ка
Самоварчик со стола!

Дочь родителю с укором:
— Зря ты Ваню огорчил:
Он опять уедет скоро —
Он же отпуск получил.

Хмурь с лица отца пропала,
Стали ласковы глаза:
— Что ж ты сразу не сказала,
Попрыгунья-стрекоза!

Он гостей принять умеет,
Нет хозяина добрей:
— Ну-ка, дочка, поживее
Самоварчик подогрей!

Дочка что-то шепчет Ване
От папаши в стороне
О каком-то чемодане,
О какой-то целине.

Видит батя: дочка что-то
Начинает городить.
— Ты куда!
— Да мне охота
Гостя Ваню проводить.

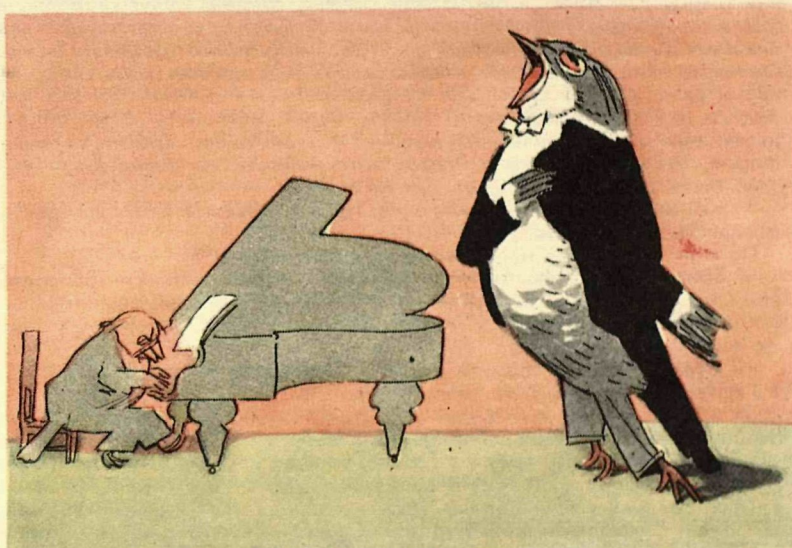
— Это верно ты сказала,
Я не вижу в том беды.
Ты проводишь до вокзала!
— Нет, до самой Кулунды.

— Да тебе и здесь не тесно, —
Возражает ей отец, —
И к тому же сам чудесно
Доберётся молодец.

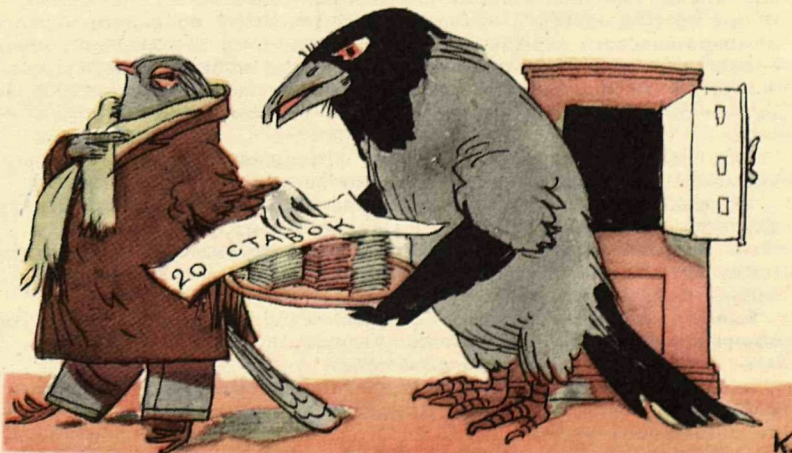
Дочка весело смеётся,
Голосок её дрожит:
— Может, он и доберётся,
Да вторично убежит.

Он уж спец по этой части.
Нужен сторож, нужен глаз.
Он бежать, а я за хлястик
Удержу его как раз.

Тут и Ваня вставил слово:
— Можно даже не держать:
Мне от сторожа такого
Не захочется бежать.

...спел...

...опустошил!

ДЛЯ ГОСПОД ПРОСТОФИЛЬ

«Западные союзники, которые привыкли считать немцев лучшими солдатами в мире, могут столкнуться с неожиданностями».

(Вашингтонский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд репорт»)

Зал ожидания третьего класса Кёльнского вокзала переполнен. Много молодых людей. Они протискиваются вперёд. Им хочется быть к ораторам поближе.

Владелец книжного киоска произносит вступительное слово:

— Господа! Господа немецкие юноши! Сегодняшнюю беседу из нашей серии «Беседы в среду в Кёльне» мы посвящаем самому важному вопросу. Что? Да, господа, вы правы: речь идёт о новом вермахте. Именно о новом! Впрочем, не будем испытывать ваше терпение, предоставим слово нашему многоуважаемому гостю, господину представителю ведомства Теодора Бланка, планирующего воссоздаваемую армию. Просим!

И он захлопал в ладоши.

Однако бури аплодисментов не получилось. Оратора встретили грубым молчанием.

На импровизированной трибуне стоял тучный господин средних лет.

— Господа! — бодро начал он. — Итак, о новом вермахте. Признать, некоторые из вас пугает дух новой армии. Тут, как видно, имеют место печальные заблуждения относительно задач восстанавливаемого вермахта. А между тем новый вермахт будет отличаться от старого, как день от ночи. Мне приятно сообщить вам, что господин Теодор Бланк, наш ревностный антимилитарист, разработал нечто новое, нечто из ряда вон выходящее...

— Да неужели? — раздался насмешливый вопрос из зала.

— Именно, господа! Судите сами. Что представлял собою гитлеровский вермахт? Там безраздельно господствовал дух солдатчины — дух беспрекословного, слепого повиновения. Это был кулак — кулак бронированный, механизированный и, смею заметить, вдохновляемый высокими идеалами... гм... простите, я отвлекся. Так какова же будет наша новая армия? Во-первых, мои дорогие друзья, солдаты будут свободными гражданами, просто гражданами в военной форме. Солдат сможет жаловаться гражданским властям; он будет иметь право требовать возмещения за обиду; ему будет предоставлена свобода выражать своё мнение. Новая эра, господа! Де-мо-кра-ти-че-ска-я армия! Но это ещё далеко не всё. Солдат новой армии будет исполнять свои обязанности, как обыкновенный служащий. С этой точки зрения, военная форма будет, так сказать, спецодеждой; гибель же солдата в бою — лишь несчастным случаем на производстве.

— Кто же обеспечит соблюдение правил техники безопасности? — раздалось из дальнего угла.

По залу прокатился иронический смешок.

— Более того, — повысил голос оратор, — новый вермахт обеспечит вам... простите, солдатам, такое же питание, как и в гражданской жизни. В полдень они получают суп, мясное блюдо, овощи и десерт. Как видите, с этой точки зрения...

— ...солдат будут кормить на убой, — добавил кто-то из зала.

Господин представитель решил идти напролом:

— А дисциплина? Она будет значительно смягчена, господа. Унтер-офицеры не будут больше подвергать вас... гм... солдат новой армии обычным унижениям, вроде того, как раньше солдат заставляли взбираться на верхушку дерева и кричать оттуда во всё горло: «Я самый глупый солдат из всей роты!» Что же касается неслужебного времени, то солдат будет иметь право ходить в гражданской форме... гм... одежде. Это подлинная революция, господа!

— Значит, будет позволено носить манишку и галстук бабочкой?

— Совершенно верно!

— А спортивный джемпер?

— И джемпер! Но и это не всё, господа. Новый устав будет предусматривать, что солдат может возить детскую коляску, будучи в военной форме, или носить домой покупки для своей жены. Он сможет... И оратор рассыпался в изысканных славословиях по адресу «нового, демократического вермахта», ярко живописуя все те прелести мирной солдатской жизни, с которыми, кстати сказать, любезно знакомят своих читателей австрийский журнал «Берихте унд информационен», французский «Пари-Матч» и многие другие западноевропейские органы печати.

— Словом, вы чувствуете, господа, совершенно новый дух нового вермахта?! — ликующе воскликнул наконец оратор.

Тут, растолкав собравшихся, выступил вперёд молодой человек лет двадцати — рослый, в поношенном костюме, без фуражки.

— Господин представитель, — вежливо сказал он, — вы нам поведали массу потрясающих новостей. Однако, с вашего позволения, хочется задать несколько вопросов.

Было что-то подкупающее в обращении молодого человека. И господин представитель благосклонно кивнул:

— Охотно отвечу, мой молодой друг.

— Господин представитель, из ваших слов можно заключить, что новый вермахт будет совершенно безобидной организацией, чем-то вроде спортивного клуба.

— Верно! Это армия, создаваемая для высоких целей самообороны, и только.

— Очень приятно. Но неужели, господин представитель, в этой армии, где мне, возможно, придётся служить, не будет оружия?

— Естественно, оружие будет. Смешно было бы...

Рисунок Ю. ГАНФА.

«ПОЗИ

ИЛИ ШАТКАЯ ПОЛИ

- Можно ли, например, рассчитывать на моторизованную пехоту?
- Конечно, мой друг!
- А на танки?
- Какая же армия в наши дни обходится без танков!
- А как насчёт авиации? Неужели её не будет?
- Что вы! Как можно в наши дни...
- Авиация, надо думать, реактивная?
- Конечно. Вам, как патриоту, должно быть понятно...
- В таком случае и атомное оружие?
- Несомненно! На него мы возлагаем наши самые радужные надежды.
- Понятно. Атомная бомба для осуществления высоких целей самообороны... — Молодой человек почесал затылок, оглядел зал и снова повернулся к оратору: — Разрешите задать вам последний вопрос, господин представитель. Допустим, что я солдат нового вермахта. Допустим, что я сытно пообедал; что я затем приятно провёл время в суде, выступая в качестве истца по делу моего ротного командира, который — какова наглость! — не поздравил меня своевременно с днём рождения; что я сменил свою форменную «спецодежду» на гражданский костюм и прогуливаюсь по бульвару, правой рукой толкая детскую коляску, а левой прижимая к себе купленный в подарок жене пылесос, и допустим, наконец, что в этот момент наши генералы решили в высоких целях самообороны двинуть меня и моих однополчан на Францию, на Восточную Германию или куда-нибудь ещё. Вы сказали, господин

Несмотря на полное банкротство политики «с позиции силы», которую агрессивные круги пытаются проводить в отношении стран демократического лагеря, некоторые авантюристы продолжают призывать к развязыванию атомной войны.

ТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

представитель, что мне, как и другим солдатам вермахта, будет дана свобода выразить своё мнение. Скажите, разве удастся уговорить меня стать жертвой «несчастливого случая на производстве», как вы изволили выразиться? И разве — я спрашиваю всех вас, друзья, — найдётся здесь в зале хоть один, кто предпочтёт детской коляске бронетранспортёр и пылесосу — автомат?! Не кажется ли вам, господин представитель, что, пользуясь правами, о которых вы здесь так хорошо говорили, я отвечу на приказ упомянутых генералов тем, что, скажем, подам на них в суд за подстрекательство к преступлению?!

Лицо господина представителя ведомства Бланка потускнело, глаза забегали, лоб покрылся испариной.

- Они рассчитывают на господ простофиль! Ясно! — крикнул кто-то.
- Красивые слова!
- К чёрту вермахт!
- Долой с трибуны!

И зал забушевал. Через мгновение представителя почтенного ведомства Теодора Бланка уже тискали в отнюдь не дружеских объятиях...

...Об этой беседе американский журнал «Репортер» писал более чем скупое: «Слушатели, среди которых были главным образом юноши в возрасте до 25 лет, в течение нескольких часов выражали свою враждебность идее новой германской армии».

Впрочем, этим представителям в Кельне повезло больше, чем самому Бланку, рискнувшему на такое же выступление в Аугсбурге, где ему пришлось спастись от гнева слушателей в полицейской машине.

БЛЮСТИТЕЛИ МОРАЛИ

Признаться, мы как-то не задумывались всерьёз над вопросом, могут ли обладать агрессоры чувством чести. Или, скажем, кто из нас подозревал, что может идти речь о престиже захватчиков? Что такое вероломство, мы в общем знаем, но, спрашивается, в чём выражается вероломство того, кто помогает и покровительствует бандиту в его налётах? И, с другой стороны, чем может гордиться этот сообщник? На какое доверие окружающих ему рассчитывать?

Мы находим само собою разумеющимся, что агрессор не может обладать чувством чести. Всем известно, что престиж приобретается не путём захватов и что само покровительство бандиту есть уже вероломство, ибо это ведь не что иное, как предательство в отношении тех, кому бандит угрожает. Наконец, кажется невероятным, что кто-либо способен испытывать чувство гордости от сознания своего соучастия в явном преступлении.

Выясняется, однако, что есть и другое мнение на этот счёт. Версия для самых наивных, которая гласит, что определённые круги за океаном заинтересованы в Тайване по соображениям «безопасности Соединённых Штатов», как известно, окончательно скомпрометировала себя. И ничего удивительного, что официальные и неофициальные органы Уолл-стрита вынуждены прибегать к ней всё реже. Любая ложь буржуазной печати выходит из моды с такой же скоростью, с какой растёт здоровый смысл её читателей.

Вот тут-то на смену военно-стратегическому блёфу и приходят морально-этические излияния.

Что мешает Соединённым Штатам пойти на серьёзное и окончательное урегулирование проблемы Тайваня?

«Нам не позволяет придерживаться такого курса наша честь», — гордо отвечает в редакционной статье «Нью-Йорк таймс».

Что означало бы возвращение Тайваня Китаю? К чему привело бы это единственно справедливое и законное решение вопроса?

«Сильно упал бы в этом случае престиж Соединённых Штатов в Азии», — отвечает военный обозреватель той же газеты Хэнсон Болдуин. «Мы заклеями бы себя как вероломных людей и отказались бы от любого права претендовать на доверие в Азии», — поддакивает редакционная статья «Нью-Йорк таймс».

Наконец, каковы перспективы гниющего режима Чан Кай-ши? Стоит ли, говоря языком бизнеса, вкладывать в тайваньское «предприятие» этого банкрота (как о том сообщает английская газета «Ньюс кроникл») ежедневно около миллиона долларов? Да и какое чувство, кроме брезгливости, может вызвать этот пигмей даже у тех, кто записался к нему в опекуны?

«Мы, американцы, — не моргнув глазом, отвечает на это глава американской военной миссии на Тайване генерал Уильям Чейз, — гордимся тем, что находимся здесь, и будем продолжать помогать гоминдановцам».

Разумеется, если говорить вообще, в чувствах чести и гордости, в стремлении завоевать доверие к себе нет ничего зазорного. Но, по мнению любого честного человека, не только зазорно, а и позорно пытаться освятить фальшивыми ссылками на эти чувства союз с преступником.

А тот факт, что душеспасительные разглагольствования редакционной печати США на морально-этические темы действительно насквозь фальшивы, подтверждает, между прочим, и упомянутый Хэнсон Болдуин. Тайвань, неосторожно замечает он, «имеет исключительно важное значение для борьбы против коммунизма в Азии».

Впрочем, Болдуин не выдал никакой тайны. Китайский остров нужен агрессивным кругам США для того, чтобы попытаться повернуть вспять развитие Азии, а заодно и пополнить свои колониальные владения. Это давно известно.

Что же касается Чан Кай-ши, пышно именуемого некоторыми острословами из американского конгресса «другим Китаем», то он играет в этом — надо сказать, неосуществимом — плане почётную роль автоматически действующей пешки. Однако, прекрасно зная о своём назначении, тайваньский временщик упорно продолжает выдавать себя за фигуру.

Напрасные потуги! Когда он кричит о своей «независимости», все понимают: так приказал хозяин, который хочет поднять в глазах окружающих репутацию своего подопечного. И приказ такой отдан, конечно, без всяких торжественных уверений в любви и преданности, которых этот подопечный удостоивается лишь в официальном порядке, так сказать, на людях.

В общем, высококравственные американские моралисты сами уже достаточно ярко охарактеризовали себя. Однако им кажется, что для полноты впечатления не хватает голоса «другого Китая». И Чан Кай-ши, охрипший от воинственных воплей, спешит присоединиться к хору заокеанских газет, воспевающих добродетели его вашингтонских наставников. Когда, например, из Вашингтона была спущена на Тайвань директива усилить и умножить провокационные бандитские налёты на Китай, Чан Кай-ши встал в позу независимого наблюдателя и высокопарно заявил:

— Это разумно не только в юридическом и военном, но и в моральном отношении.

А ведь, надо полагать, текст этого заявления был вручён Чан Кай-ши вместе с упомянутой директивой. Для оглашения...

Словом, трудно сказать, кто стоит выше в моральном отношении: опекаемый или опекун? Один стоит другого.

А. ВИХРЕВ

Усиливая «в целях обороны» гонку атомных вооружений и превращая свою страну в американскую военную базу, английские правящие круги ставят под угрозу прежде всего безопасность Британских островов.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Ну вот, теперь я за себя спокоен.

Петер НЕЛЛЬ

НИ ЗАПРЕТИТЬ, НИ УБИТЬ НЕВОЗМОЖНО!

К процессу о запрещении КПГ

Как это было!

Ещё старики
Помнят о том, как сгонял в полки,
Прятал в казармы народ рабочий
Кайзер, до крови чужой охочий.
Но Бебель — тот быстро смекнул, в чём суть:
«Нет, генералам нас не надуть!
Кому охота идти на гибель,
Чтоб умножать богатеям прибыль!»

Взвыли вояки от этих слов.
«Это,— вопят,— потрясенье основ!»
И запрещает герр Бисмарк красных
Как злоумышленников опасных.
Карцеры, пытки... Двенадцать лет
Длился позорнейший тот запрет.
Но, не сгибаясь, лишь крепла, мужая,
Партия Бебеля боевая!

С тех пор запретить нас пытались не раз.
Гитлер травил и преследовал нас,
В тюрьмы швырял, изрыгая проклятья,
Рты заливал нам свинцовой печатью.
Мучили нас, убивали и жгли,
Только сломить всё равно не смогли!
Выросла в битвах, народом хранимая,
Партия Тельмана непобедимая!

Ну, а сегодня!

Ты чуешь, друг,
Будто бы трупом запахло вдруг...
Старая песня! Зовут в поход
За дивиденды и сверхдоход!
И, чтоб войне устранить преграды,
Кричат: «Запретить коммунистов надо!»
Сперва коммунистов, а там возьмут
И профсоюзы в дугу согнут...
Когда же надежду на мир похоронят,
Борцов за свободу в тюрьмы угонят,

Что будет дальше! Представить просто.
Кессельринг рявкнет: «Дранг нах Остен!»
Ему ГДР — что бельмо на глазу.
Готов, на рабочих обрушив грозу,
Взорвать оплот свободы немецкой,
Чтоб двинуть солдат на Союз Советский...

Такой господа сочинили план,
Но без рабочих и без крестьян.
А наши рабочие и крестьяне
Сорвут их планы, пусть знают заранее!
Нам перспектива вполне ясна:
Не жизнь, а смерть нам несёт война.
Нас, коль в борьбе мы сплотимся надёжно,
Ни запретить, ни убить невозможно!

Из газеты «Нейес Дейчланд».
Перевёл с немецкого Лев Гинзбург.

ВИЛЫ В БОК

ТАЙНЫ МИНИСТЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Каким образом, неизвестно, но осталось Белорецкое медицинское училище без директора. Некому было осуществлять общее руководство, некому было воспользоваться правом первой подписи на денежных документах.

Но междувластие длилось недолго. Вскоре вышел в свет приказ № 6 по Министерству здравоохранения Башкирской АССР от 8 января 1955 года, в котором, в частности, говорилось:

«...временные обязанности директора Белорецкого медицинского училища возложить на врача Фокину Алефтину Николаевну с правом первой подписи на всех денежных документах.

Зам. министра

Б. ФАТКУЛЛИН».

Медицинское училище обрело руководителя. В окружении сослуживцев тов. Фокина проследовала в кабинет директора, но...

За директорским столом уже сидела заведующая Белорецким горздравотделом тов. Домнина и ли стала папки с делами.

— Вам кого?

— А вам кого?
— Я директор!
— И я директор!!
— С правом первой подписи? — недоверчиво спросила тов. Фокина.

— С правом первой подписи! — гордо ответила тов. Домнина. Сослуживцы, сбитые с толку, спешно группировались около новоявленного директора, читавшего приказ № 6 по Министерству здравоохранения Башкирской АССР, где говорилось:

«...временные обязанности директора Белорецкого медицинского училища возложить на врача Домнину Зою Александровну с правом первой подписи на всех денежных документах.

Министр

ЛУКМАНОВ».

— Как же так? — удивился кто-то. — Один приказ в двух вариантах!

— М-да... Это неспроста! — заметил более опытный сослуживец.

вед. — По всей видимости, из высших соображений!

А какие тут высшие соображения? Очень даже легко сообразить, что министр не знает, что делает его правая рука — заместитель министра.

НЕУЛОВИМЫЙ АССОРТИМЕНТ

В магазине Красноармейского сельпо, Горьковского района, Павлодарской области, покупатели долго не задерживаются. На все свои вопросы они получают быстрые и исчерпывающие ответы.

— Вёдра у вас есть?

— Нет вёдер.

— А какие имеются тарелки?

— Никаких.

— А ложки?

— И ложек нет.

— Когда же всё это у вас будет?

— Неизвестно.

Председатель Красноармейского

сельпо тов. Легкий мало утруждает себя заботой о расширении ассортимента товаров. Но, судя по всему, он доволен работой вверенной ему торговой сети. В ответ на многочисленные жалобы покупателей — рабочих Трофимовской МТС, прибывших на освоение целинных земель, — он отвечает:

— Работаем, стараемся. Но не забывайте, что здесь не ГУМ!

И нужно признать, что тов. Легкий действительно старается. Даже проявляет инициативу. Он, например, применяет весьма эффективный способ быстрого доведения товаров до покупателей. Для этого председатель сельпо, минуя магазин, прямо на складе распределяет дефицитные продукты и товары среди своих знакомых. Просто и удобно. И, главное, никакой задержки.

Удовлетворённый достигнутыми результатами, тов. Легкий ждёт, что районные организации оценят проявляемую им инициативу.

Покупатели тоже этого ждут.

«В ЧЁМ И УДОСТОВЕРЯЕТСЯ...»

— Почему вас не было три дня? — спросил начальник цеха у работницы кишинёвской швейной фабрики № 1 Лидии Илиуца.

— Пировала...

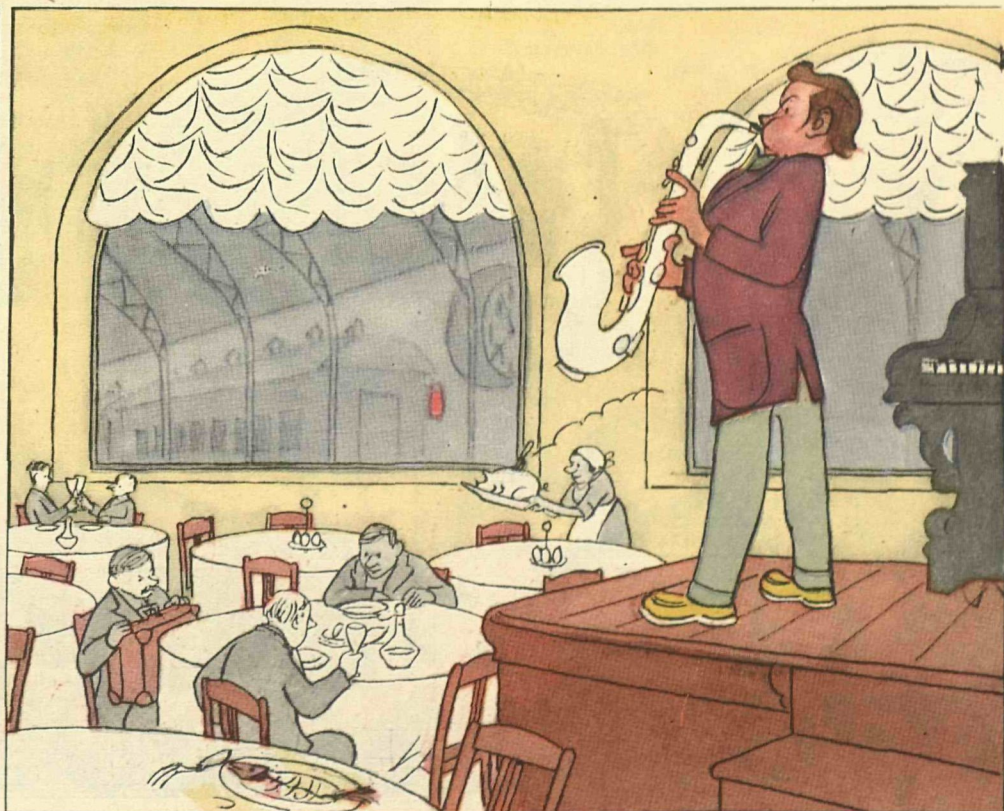
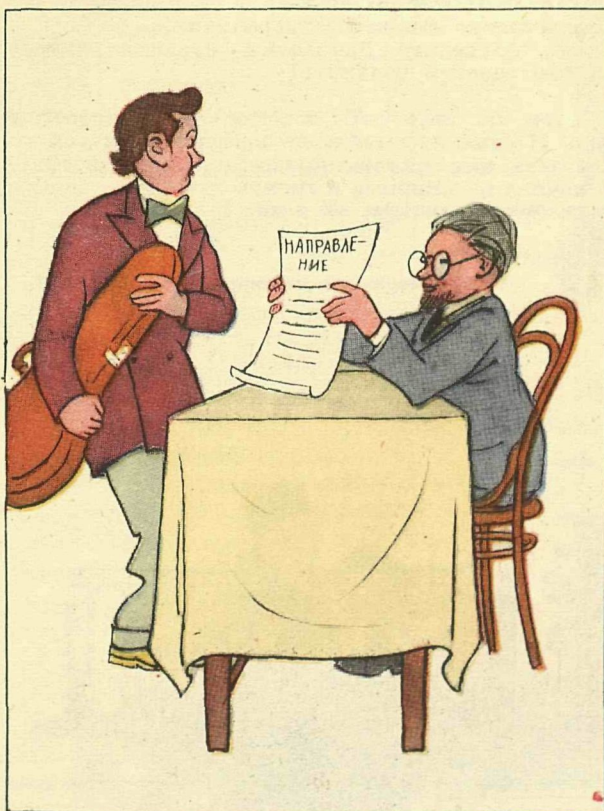
— И это, по-вашему, уважительная причина для прогула?

— Безусловно! Не будь оно так, мне бы справки не выдали. А то вот она, пожалуйста! Всё чин по чину: на бланке Пугоченского сельсовета, с большой круглой печатью, за подписями председателя и секретаря. Будьте любезны!

«Дана настоящая гражданке Илиуца Лиде Диомидовне в том, что её брат Григорий действительно женился и она действительно гуляла на свадьбе три дня. В чём и удостоверяется».

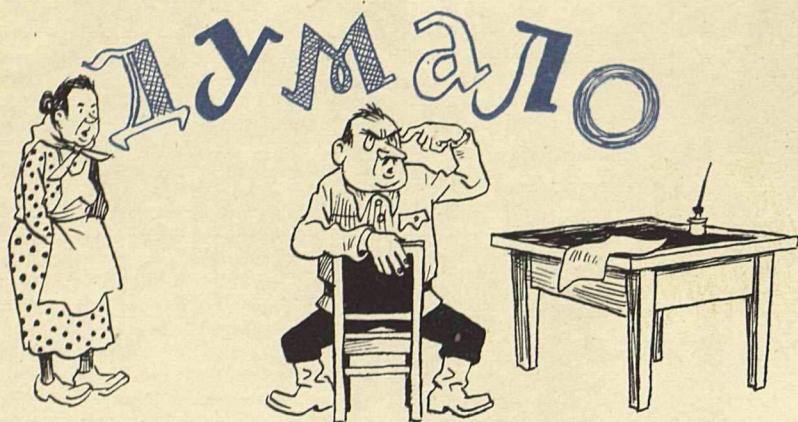
Везёт же некоторым людям! Подумать только, что делала бы Лидия Илиуца, если бы товарищи, подписавшие справку, не присутствовали на свадьбе и не могли бы, значит, удостоверить, что она действительно прогуляла там именно три дня!..

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

По окончании училища его направили далеко от Москвы...

...но он застрял на вокзале.

Один председатель колхоза ходил себе да всё думал, всё думал и думал.

— О чём же ты это, Александр, так думаешь? — допытывалась жена.

— Эге! Так я тебе и сказал! Не мешай! Раз думаю, — значит, нужно! У меня укрупнённый колхоз — есть о чём думать!

И снова думал.

Жена тогда с другой стороны стала заходить:

— Александр! У тебя дети малые!

— Ну и что с того, что малые! Не выдумали ещё такого, чтобы дети сразу взрослыми рождались! Тебе, должно быть, хотелось бы: сегодня дочку родила, а завтра уже и свадебную:

Выкатили, выкатили бочку,
Выманили, выманили дочку.

Так тебе хотелось бы? Сначала надо вскормить и воспитать, а тогда уже и о замужестве думать...

— Да я об этом и говорю! О детях я и беспокоюсь, а ты всё думаешь! — расходилась жена. — Дырку во лбу себе продумаешь! А тогда что? Кубанкою прикроешь?

— Ах, отстань ты от меня, а то... — гремел председатель колхоза.

И снова думал.

Колхозники волновались.

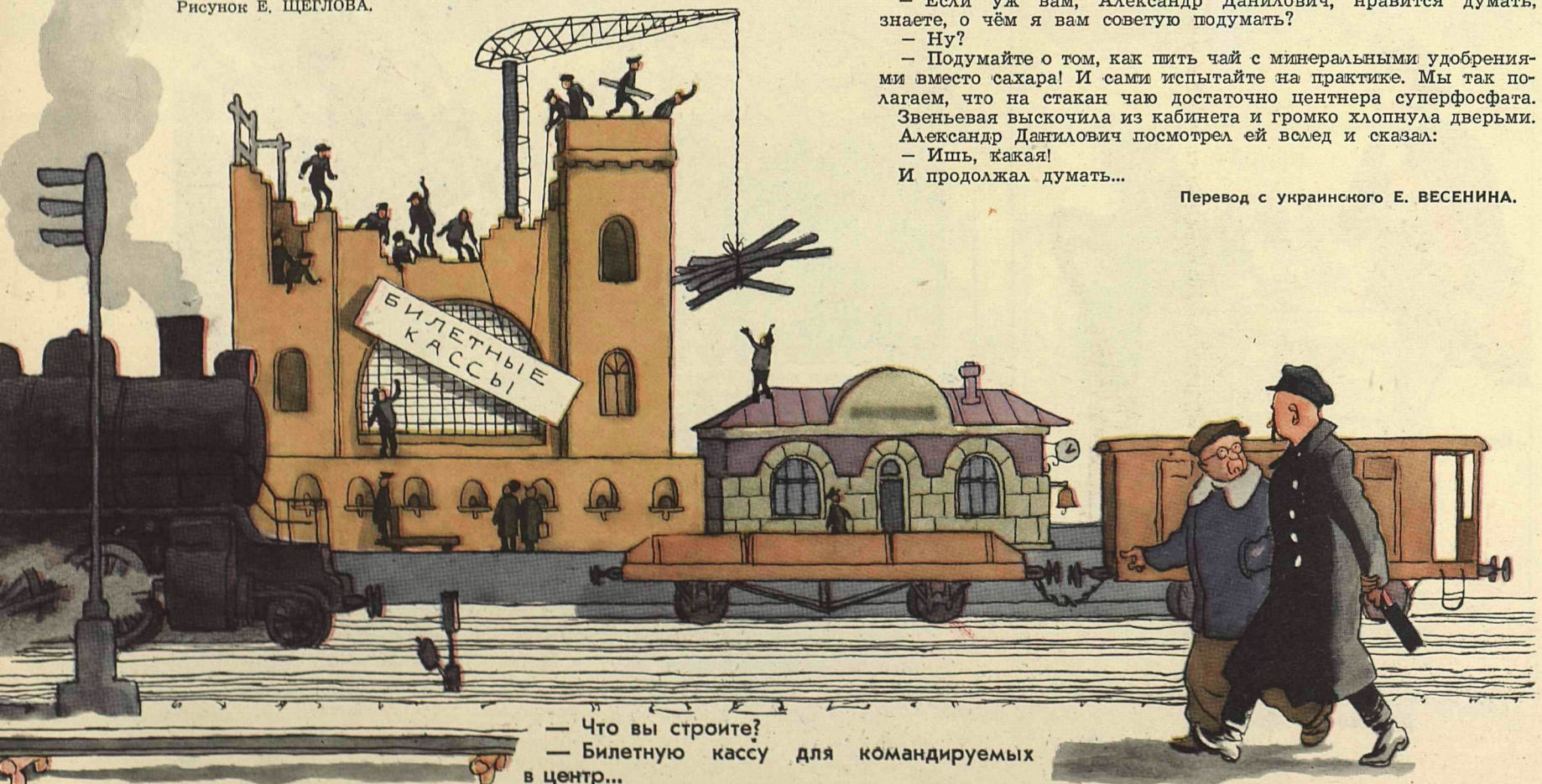
— Как там Александр Данилович? — жену спрашивали.

— Думает!

— О чём же он так крепко и долго думает?

— Не говорит!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Что вы строите?
— Билетную кассу для командируемых
в центр...

— Что же делать? Тут пора удобрения на поле вывозить, а он всё думает, доступа к нему нет! Опять повторится прошлогоднее! Не вывезли удобрения на свёклу, ну, и выкопали ту свёклу, если считать на десятичные доли, ноль целых шип десятых. В прошлом году как-то легче было: он тогда об удобрениях не думал, а только обещал вывезти их, — а теперь вот думает... Хоть плачь!

Наконец одна звеньевая, очень боевая комсомолка, отважилась, решительно вошла в кабинет.

— Здравствуйте, Александр Данилович!

— Здравствуй!

— Думаете?

— Думаю!

— А удобрения на свёклу когда вывозить?

— Вот я и думаю!

— Что ж вы думаете?

— Думаю, как бы оно такое выдумать, чтоб те удобрения на поле очутились!

— Да что ж тут долго думать? Занарядить подводы, машины, погрузить удобрения — да на поле, да дружно, и с песнями! Вот и всё!..

— Э! Этак каждый сможет на поле удобрения вывезти! Это старая техника! Теперь надо... по-новому браться... Вот я и думаю, что бы такое ну хоть с теми гранулированными удобрениями сделать, как бы их яровизировать или гибридизировать, чтоб у них лапки повырастали и они в один прекрасный день топ, топ, топ — и на свекольный участок. Каждая гранулька на пашню прибежала бы, в борозду легла, ноженьки поджала бы, чтоб не помёрзла, да и удобряла бы себе земельку. Вот это — изобретение! А ты мне: погрузить на подводы, на машины и вывозить... Фантазии у вас нет!

— Да у нас, Александр Данилович, не только фантазии нет, у нас и сахара нет! Не удобрили в прошлом году свёклу, вот и пьём чай вприкуску!

— Вот то-то же и есть! — подтвердил Данилович. — А вырастут лапки у гранулированного удобрения, и чай будет слаще! Звеньевая долго-долго смотрела на Александра Даниловича, а потом и спросила:

— Ну, а дальше что?

— А дальше вот что! Раньше мы всё имели дело с обычными удобрениями, а теперь учёные обнаружили, что для растений полезны такие микроэлементы, как медь, марганец, цинк, бор, кобальт и т. п. Их для удобрения земли требуется значительно меньше. Вот тогда заживём! Надо, к примеру, добавить в виде удобрения меди: набрал в карман медяков, разбросал по копейке на делянку — и гуляй себе! А свёкла растёт! Или бору надо подбавить: взял в мешочек борной кислоты и разбрасывай — по чайной ложечке на четверть гектара! Вот когда сладко заживём!

Звеньевая внимательно посмотрела на Александра Даниловича. Посмотрела и сказала:

— А может, оно с микроэлементами будет иначе, чем вы это говорите?

Александр Данилович совсем разгневался:

— Что ты всё вздор мне мелешь? Что ты в этом деле понимаешь? Я уже додумался! Ты считаешь, что я вот кожу и думаю так себе, без результатов? Как бы не так!

Покраснела звеньевая да сказала с ударением:

— Если уж вам, Александр Данилович, нравится думать, знаете, о чём я вам советую подумать?

— Ну?

— Подумайте о том, как пить чай с минеральными удобрениями вместо сахара! И сами испытайте на практике. Мы так полагаем, что на стакан чаю достаточно центнера суперфосфата. Звеньевая выскочила из кабинета и громко хлопнула дверью. Александр Данилович посмотрел ей вслед и сказал:

— Ишь, какая!

И продолжал думать...

Перевод с украинского Е. ВЕСЕНИНА.

Проторённой дорожкой

Сложная позиция у заведующего Брестским облторготделом тов. Коца. С одной стороны, у него торгующие организации, кои он обязан контролировать, с другой — облисполком, которому он сам подотчётен. Не раз его заставляли врасплох вопросы сверху:

— Как дела в товаропроводящей сети?

Долго тов. Коц ломал голову над проблемой: как без особых хлопот заставить подчинённых чувствовать над собой его, завторготделом, недреманное контролирующее око и как показаться вышестоящему начальству вездесущим и всезнающим? Но в конце концов нашёл способ убить этих двух зайцев одним выстрелом.

Нет, нового тов. Коц ничего не выдумал! Прямо скажем, он взялся за старое. Он направил в торгующие организации этикие вкрадчивые предписания:

«Для информации Облисполкома и в целях осуществления периодического контроля за работой торгующих организаций области, Брестский Облторготдел просит представлять ежеквартально... краткий анализ о финансово-хозяйственной деятельности... по прилагаемой форме».

Склонность к глубокому анализу и сила любознательности тов. Коца раскрывались перед работниками прилавка при первом же взгляде на «прилагаемую форму». В ней было ни много, ни мало 10 разделов, содержащих 34 пункта и 27 подпунктов с традиционными графами по горизонтали: «ед. изм», «факт. показ. за пред. год», «план, факт, % за отчётный период» и неизменные «прим.».

Ничто не ускользало от внимания исследователя-администратора: ни розничный товарооборот, ни количество блюд, отпущенных предприятиями общепита, ни общая грузоподъёмность автопарка. Особо жгучий интерес проявил он к анализу растрат: сколько расхищено в прошлом году, много ли крупных растрат сделано за отчётный период и во что это обошлось государству, сколько взыскано, сколько списано...

Словом, хозяйственно-финансовая деятельность торгующих организаций раскрывалась перед ним, как на ладони, стоило только заполнить «прилагаемые формы».

Одно не интересовало тов. Коца: что стоило торгующим организациям это заполнение?

ВЕСНА (хозяйственнику): — Что же это вы встречаете меня только цветами, да и то бумажными?

— Тут опытному экономисту на добрых три дня работы! — протестовали подчинённые. — К тому же формы ваши не утверждены ЦСУ. Не пришлось бы и нам и вам отвечать за излишнюю отчётность.

Но тов. Коц на резкие протесты отвечал мягкими словами: он же не требует, а просит и надеется на сознательность подчинённых, уповая, что они пойдут ему навстречу, облегчат его положение.

И действительно, очень тяжело тов. Коцу обеспечивать себе лёгкую жизнь.

Вл. КАРПЕКО

Ухоротые

Разные бывают начальники:
Начальники-болтуны
и начальники-молчаливники.

У первых ухо
К нуждам народа глухо.

У вторых, наоборот,
нем

рот.
С такими наша эпоха
Справляется очень даже неплохо.

Остался третий, поскольку изворотлив.

Входишь к этакому
в кабинет

И видишь: сидит
ухоротый,

А головы нет.
Огромное ухо,
губы, как губки,—

Всё приросло к телефонной трубке.

Ухо сверху ловит приказ,
Рот

передаёт вниз...
— А голова,— говорит,—

не нужна-с:
Начнёшь сам решать —
наживёшь беды-с!

По-моему, есть возможности две,
Принимай любое решение:

Либо каждому ухоротому
выдать по голове,

Либо дать по шее.

Борис ТИМОФЕЕВ

КРИТИК-УКАЗЧИК

Очень схож указчик этот строгий
Со столбом, стоящим у дороги:
Всем указывает он пути,
Но не может с места сам сойти...

ВОПРОС ПИСАТЕЛЮ-МОЛЧАЛЬНИКУ

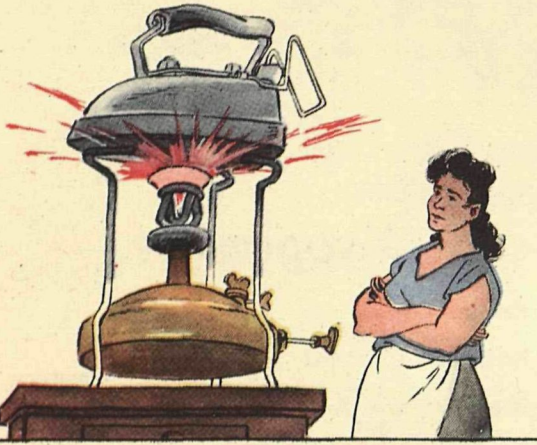
Природа, говорят, не терпит пустоты.
Скажи: как существуешь ты!

Крокодильская СМЕСЬ

Рисунок Л. ГЕНЧА.

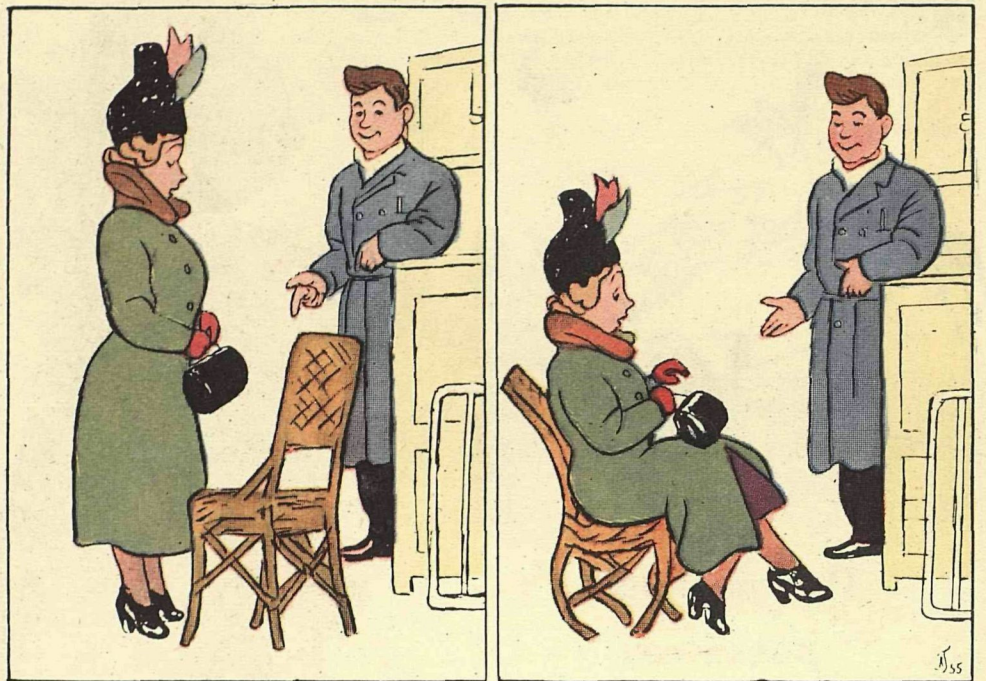
ИЗ ОБЛАСТИ ДОМАШНИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ.

Рисунок Вл. ДОВРОВОЛЬСКОГО.

Электроутюг с керосиновым нагревателем.

(Для случаев, когда в продаже нет шнуров и спиралей).

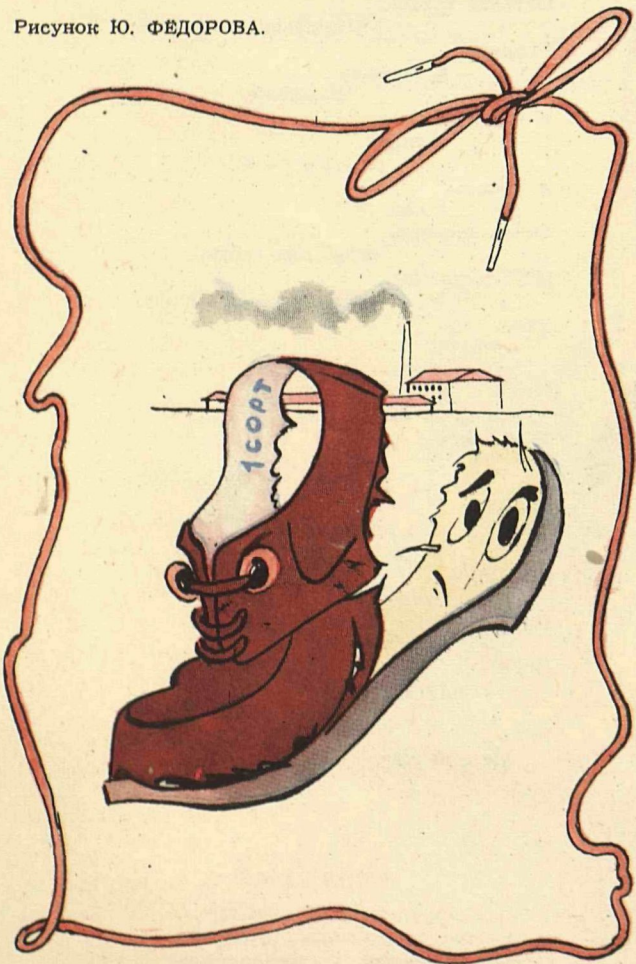

— Простите, я же просила
гнутый стул!

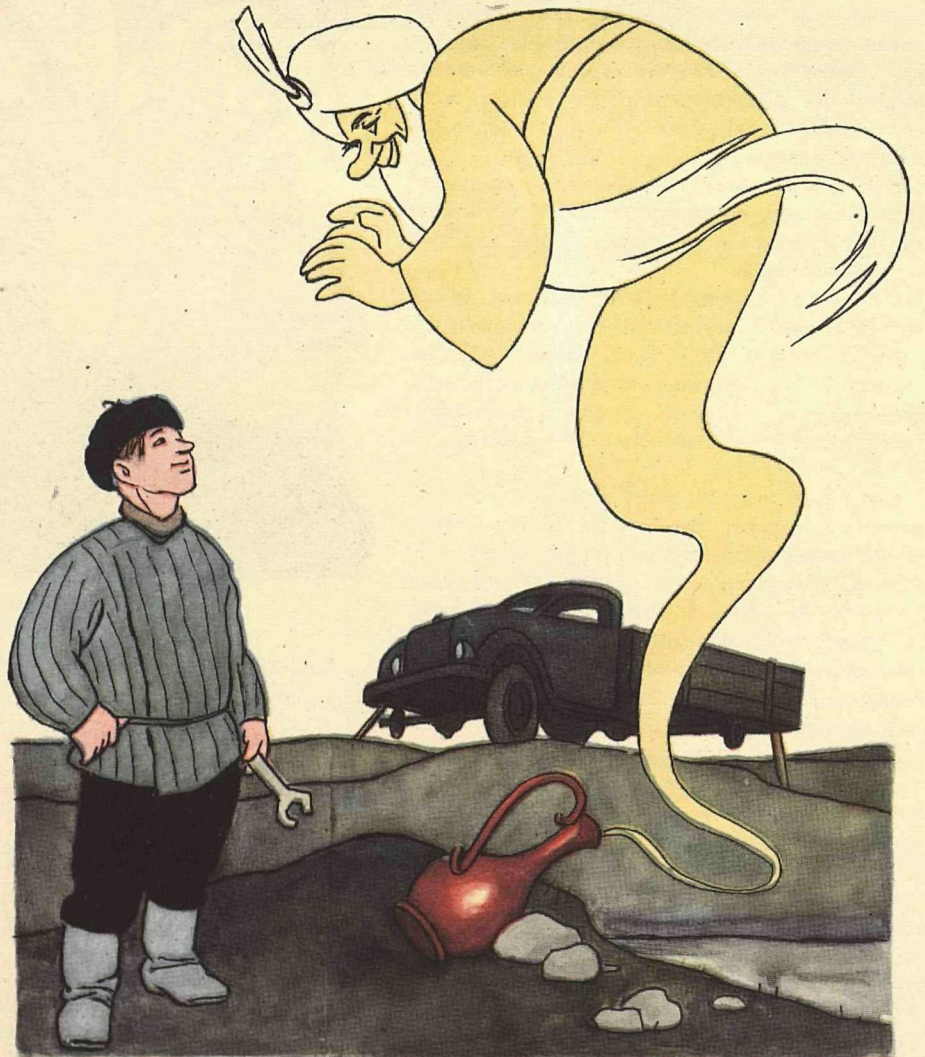
— А вы на него сядьте!

Рисунок Бориса ЛЕО.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

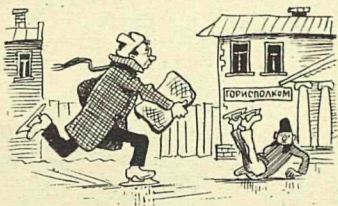
— Не отставай: мы должны успеть
к открытию магазина.

— О! Мой повелитель! Любое твоё желание будет
исполнено!

— А не врешь? Запасные части для моей машины достать
сможешь?

Недавно я прочёл в газете о том, что на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки открылся гигантский каток, все аллеи и площади залиты льдом.

Размеры этого катка нисколько не удивили нас, жителей города Луи, Ленинградской области. Дело в том, что весь наш город, с его улицами, площадями и переулками, с самого начала зимы превращён в каток. Тротуары и мостовые покрыты отличным льдом. Раздолье для конькобежцев!

Особенно хорош лёд у здания горисполкома! Мы не знаем, являются ли работники городского отдела коммунального хозяйства страстными любителями конькобежного спорта, но они с невозмутимым спокойствием взирают на катки-улицы и вовсе не думают посыпать их песком или золой.

Так что, дорогой Крокодил, если вздумаешь посетить зимой Лугу, захвати с собой коньки. Ну, а если не научился кататься на коньках, запасись ящичком с песком. А ещё лучше — обожди до весны, когда лёд стает. Тогда без всякого риска сумеешь пройтись по нашим улицам. Тем более, что ждать уже осталось недолго...

Гвардии майор Е. ГРУДИНИН

г. Луга,
Ленинградской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Видимо, все старые способы заготовки дров не вполне удовлетворяют главного бухгалтера Воронежского областного комитета ДОСААФ тов. А. Пешкову.

Возвращая нашему районному комитету ДОСААФ акт на списание пришедшей в негодность мебели, она предложила:

«...на указанную в акте мебель составьте акт, как поломанная на дрова и укажите сколько килограмм дров получилось от поломки, которые оприходуем вам в подотчёт, а при отопительном сезоне эти дрова спишите актом как израсходованные на отопление».

Таким образом, отныне можно считать, что в учреждениях, которые последуют совету тов. Пешковой, мебель будет стоять далеко не только «для мебели»...

П. МОЗГУНОВ

Новая Калитва,
Воронежской области.

Дорогой Крокодил!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Сердечно радуемся, что ты не состоишь абонентом библиотеки № 2 Фрунзенского района г. Куйбышева, ибо она не вмещает даже обычных посетителей. Представь, что происходит в единственной комнате (24 кв. м!), где на каждый квадратный метр приходится примерно по тысяче томов и где книги разбросаны во всех трёх измерениях, от пола до потолка. Неудобно посетителям, трудно сотрудникам, невыносимо уборщице. Ей, чтобы подмести помещение, приходится «осваивать» чуть ли не всё классическое наследие, переноса на своих плечах с места на место кипы книг.

Во Фрунзенском райисполкоме

вот уже пятый год высказывают сочувствие работникам многострадального культурного очага. В результате длительных словоизлиятий библиотеке в 1952 году отвели дом... подлежащий сносу (сейчас он уже снесён). Работники библиотеки не воспользовались этой любовью райисполкома и остались в привычной тесноте.

Как известно, книга — лучший друг человека. Может быть, во Фрунзенском районе считают, что с хорошими друзьями можно и не церемониться?

О. ЧЕРКАСОВА,
Н. ГОЛОВАНОВ,
В. ГОЛОВАНОВ

г. Куйбышев.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Ну, как у вас с подготовкой к весне?
— Есть сдвиги! Вот уж лёд тронулся...

Жаль, не был ты у нас на станции Долгинцево в июне 1953 года! Ты стал бы свидетелем величественной, волнующей сцены. Начальник отделения дороги тов. Новицкий и председатель райпроф-

союз тов. Бидков подошли тогда к пустынному полю, простёрли руки и торжественно поклялись: «Здесь будет заложен спортивный павильон! Радуйтесь, спортсмены, готовьтесь к соревнованиям!»

И действительно, дорогой Крокодил, павильон был вскоре заложен. Слова у начальников не разошлись с делом. Физкультурники сейчас горюют только о том, что руководители обещали лишь заложить павильон, а не закончить его строительство...

Годы бегут, сменяются начальники. Но на строительной площадке попрежнему нет перемен! Новый начальник отделения, тов. Коротецкий, и НГЧ-2 тов. Супрун с месяца на месяц переносят сроки окончания строительства. И постоянно на устах у них полубившиеся им стихи Плещеева: «...дайте только срок: будет вам и белка, будет и свисток!» Вот и сейчас, в 1955 году, тов. Супрун назначает новые сроки. Теперь тов. Супрун обещает закончить строительство 1 апреля...

Но, дорогой Крокодил, стройка павильона находится ещё в таком состоянии, что можно сказать наверняка: это обещание тов. Супруна будет в полном смысле слова «первоапрельским».

Члены узлового комитета комсомола
Г. ДИБРОВ, Е. ШЕВЕЛЬ,
члены общества ДСО
«Локомотив»
В. КУРОЧКИН, А. ГЛОТОВ
Ст. Долгинцево,
Сталинской железной дороги.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

Москвичи, пользующиеся автобусным сообщением по линии Балашиха — Салтыновка, Горьковской железной дороги, обратились в Крокодил с просьбой помочь наладить регулярное движение автобусов, которые систематически нарушают график.

Московский областной автотранспортный трест сообщил редакции, что в настоящее время дополнительно выделено два автобуса и теперь вместо одного, как было прежде, курсируют три с интервалом движения 11 минут.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00255. Изд. № 178. Подписано к печати 28/II 1955 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 521. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40
12 МАР. 1955

34032

Правительство Ирана, торопящееся плясать под дудку империалистов, хвастливо заявляет, что оно проводит в своей стране антикоммунистическую политику.

Куда конь с копытом, туда Ирак с клешней.